

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ

МЕМОРИАЛЬСКИЕ ХРОНИКИ

СЕТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Январь 2017

Короткая новогодняя история из моей жизни

В декабре 1986 года, когда моя младшая дочь Катя последний год ходила в детский сад, меня воспитатели подготовительной группы назначили Дедом Морозом. Редко папы отводят и забирают из садика своих детей, а я, тридцатисемилетний, часто водил дочь в садик и обратно.

Я по жизни специалист по точным наукам, по спорту, а в артисты я не рвался. Но воспитатели твёрдо сказали, что я должен быть на утреннике Дедом Морозом. Тем более что роль Снегурочки разучивала моя Катя, которая была рослой, подвижной и легко заучивала стихи. Ей выучить роль - пустяк, а я целую неделю учил слова Деда Мороза.

Костюм на наш утренник добыли в театре - толстый красный халат, шапку, бороду, посох. И целый час я отработал на утреннике - слушал стихи детей, пел с ними песни, водил хороводы. Но употел знатно. А детям было весело!

В заключение утренника я вместе со Снегуркой раздавал сладкие подарки из огромного мешка, лежащего под ёлкой.

Сейчас мне 67 лет. Я ещё работаю в соцзащите. Но может ещё придётся поработать Дедом Морозом!

Василий ГУСЛЯННИКОВ, Саранск

«От сумы и от тюрьмы...»

Так как всецело я посвятил себя... исправительно-трудовым лагерям, то и знаю много всяких жизненных случаев, как печальных, так забавных...

Да нет, я совсем не бывший ЗК, просто много лет дружу (разыскиваю) с теми, кто в разные годы, будучи заключённым, обживал и осваивал Колыму. Так вот, один из бывших эков (мир он этот покинул давно), но не колымчанин, а мой земляк с Дона, с которым я общался, будучи лет тридцать назад в отпуске, рассказал мне такую вот историю, участником которой он был. И я её вам, друзья, перескажу...

...Ну, ты знаешь меня, Иван, – начал свой рассказ Аким Самсонович Чернявский. – По крайней мере, ту часть моей жизни, которую я прожил в хуторе Грязновка. Я ведь колхозник, землю люблю, хозяйство. Но, как говорится в народе: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». А я и не зарекался, да и не думал ни о суме, ни о тюрьме, так как трудился честно, даже в районке обо мне печатали. И фотография была с подписью – ударник, передовик! Да!

Ну да ладно, Бог с ней, со славой. Так вот, работая в колхозе, зарекомендовал я себя очень хорошо, поэтому руководство хозяйства и доверяло мне все важные дела. И вот однажды вызывает меня к себе председатель Николай Филиппович:

- Ну, что Аким Самсонович, готов на важное дело?

- Что именно? – интересуюсь.

Нужно на станцию Лихую (городишко небольшой в Ростовской области - И.П.) на бойню свинью отвезти...

В шестидесятые годы, техникой не многие колхозы располагали, основным транспортом тогда лошади были, да быки. Я-то с лошадами плотно общался – конюхом работал, – поэтому и согласился. Да и как отказываться – председатель просит-приказывает.

Оборудовали телегу – борта наставили. Свинью-то, нужно было живую везти, так как лето жаркое и мясо можно просто не довезти – пропадёт. Ехать километров 25-30 – день езды по хорошему. Часов в пять утра выехал, и четвёртую часть пути проехал без каких-либо приключений...

Но, не доезжая километров пять до трассы Ростов – Воронеж, повстречали мы со свиньёй, да лошадьми, огромную автомашину. Я таких никогда не видел. К тому же она тащила за собой что-то тоже большущее. Съехали на обочину, остановились. Смотрю – лошадки мои волнуются. «Пассажирка» тоже как-то странно ведёт себя, суетится. И тут, поравнявшись с нами, водитель техники газанул, и клубы выхлопных газов накрыли нас. Неожиданно лошади рванулись вперёд и понеслись как бешенные. Свинья тоже от неожиданности назад подалась и, выломав своим весом заднюю загородку, свалилась. А лошади неслись галопом, да так, что я не мог их остановить – напугались сильно. Удалось мне их усмирить лишь перед трассой. Они были все в мыле и дрожали, то ли от усталости, то ли от испуга. Я, конечно же, спокойно начал с ними разговаривать, гладить, хотя в душе был зол на них. Но понимал, что сгонять зло на животных не следует. Около получаса мы общались, а я к тому же ещё и о свинье думал: «Где она? Как её найти и погрузить в телегу? Что делать?»

Ну, а что делать – ехать назад нужно, искать... Увы, не нашёл. Вернулся в хутор, а на следующий день рассказал всё председателю. Заявили в милицию, куда меня сразу и вызвали для дачи показаний. Рассказал всё, как было. Не нашли...

В общем дали мне три года по статье 89 УК РСФСР «...за хищение государственного или общественного имущества...». Этапировали километров за сорок, в город Каменск, где я, как говорится, и провёл благополучно весь срок наказания. И там, в лагере, на третьем году пребывания, встретил земляка из соседнего хутора.

Прибыл он откуда-то очередным этапом в числе простых мужиков, колхозников и рабочих, наверное, как и я что-то своровавших. Однофамильцы мы с ним – Чернявские. Он из соседнего хутора Божковка, где с такой фамилией – все дальние родственники. Спрашиваю Петра:

- Какая статья?
- 97-я...
- За что сидишь?
- Присвоение найденного имущества...
- Вот как! А что же ты нашёл и присвоил? – спрашиваю, смеясь.
- Свинью, - говорит и матом её кроет.

У меня глаза на лоб полезли, смех пропал, напрягся я.

- Так, получается, за свинью сидишь?
- Ну да. Что тут не ясного...
- Я тоже за свинью. Не за одну ли худобу мы с тобой, Петя, срок мотаем? А ну рассказывай, где ты её нашёл и когда?

- Еду с сенокоса, по утрянке, по холодку косил, и вижу – свинья в кювете мучается. Живая, но ноги переломаны. Видно, что из сил уже выбилась. Ну, я возьми и помоги ей – чтоб не мучилась, бедолага – прирезал. Благо с такой худобой дело не раз имел – хуторяне приглашали резать. Разделал её по-быстрому, в телегу загрузил, травой прикрыл и скорее в хутор – солнце уже начинало припекать. Дома – в погреб мясо спрятал, жене сказал, чтоб не болтала никому про находку. На следующий день в Лихую на рынок мясо повёз – не то пропало бы. Это сейчас холодильники у всех, а тогда... Продал удачно. Но, как назло, встретился на рынке хуторянин, который был удивлён тому, что я мясом торгую. Через два-три дня меня вызвали в сельсовет. А что я мог там сказать? Признался, рассказал всё, как было. А председатель и спрашивает:

- Почему в сельсовет не заявил о находке?
- Да чёт его знает, но мясо-то не ворованное, – оправдываюсь.

Предлагают сдать находку, т. е. мясо, государству – в колхоз. А я уже почти всю свинью продал. Ну и завели дело, впяли три года...

Ну а дальше-то что рассказывать? Ясно – оказывается за одну и ту же свинью мы оба сидели.

Заявили об этом начальнику зоны, а он удивлённо:

- Да вы в своём уме, мужики?! Кто вам будет дела пересматривать? Вам-то сидеть осталось по полгода...

Действительно, зачем старое ворошить?

Так мы с Петей Чернявским и освободились вместе, и домой – он в хутор Божковку, а я в хутор Грязновку – вместе добирались, со смехом вспоминая своё недалёкое прошлое...

**Записал Иван ПАНИКАРОВ,
пос. Ягодное, Магаданская обл.**

Несбывшееся насилие, или Длинные линии жизни...

Однажды утром, в субботу, из Питера позвонила коллега, адвокат Оля Цейтлина, сильно переживая, волнуясь: где-то в Брянске задержаны ее бывшие подзащитные цыгане, и при них миллион рублей - это часть компенсации за те жестокие муки и страдания, которым постоянно подвергались в течение года Анна Лакатош, Аладар Форкош и Павел Габор в Центре иностранных граждан в СПб; деньги выплатила РФ по делу «Лакатош и другие против России», выигранном в Евросуде по правам человека. Ведь Оля и мы не понаслышке знали нравы наших правоохранителей...

С женой Надеждой, по своим каналам, выяснили: цыгане томятся в полиции Брянского района. По телефону разъясняем полицейским кто мы и просим никоим образом не трогать цыган, не подвергать насилию, не оскорблять, потому что - выпаливаю разом! - Правительство РФ признало правонарушения по отношению к цыганам. При этом сообщаем, что мы действуем по поручению члена Правительственной комиссии по миграционной политике С.А. Ганнушкиной и УВКБ ООН, сейчас привезём все документы...

Ловим такси и – в полицию. Нажимаю на дверной звонок - открывает дежурный. Говорю ему, что нас ждут, пропустите... Он впускает, открывает мощную дверь из толстых железных прутьев, как в детективах; дверь с неприятным, тягучим скрежетом.

Нас с женой ведут на третий этаж, к дознавателям по уголовным делам. Подходя к двери кабинета, видим слева в углу коридора, у окна, прямо на бетонном полу, двух женщин и двух мужчин. Цыгане! Быстро спрашиваем: «Вас не били?» - «Нет, не били...».

...Дело цыган ведут дознаватели Галина и Андрей (он старший). Оба – в гражданской одежде; явно недовольны тем, что и в субботу вынуждены работать... Показываем документы, что утром, «по электронке», нам переслала Оля Цейтлина. Пытаемся найти весомые слова, что задержанных необходимо отпустить, что их вина ни в чем не усматривается... Снова и снова въедливо повторяю, что Правительство России признало свою вину перед ними... Рассказываю, кто такая С.А. Ганнушкина... Что ситуация с цыганами «на контроле» и в Москве, и в Правительстве РФ, и в СПб... Наши слова вызывают удивление: мол, русских так не защищают, как цыган... И сколько действий одновременно!

Полицейские возмущены тем, что у двоих цыган вместо паспортов граждан Украины, какие-то справки, вызывающие недоверие. Начинаем разбираться. Доказываем, что справки настоящие, со сроком действия. А печать Антисексизмационного центра «Мемориал», очень авторитетного не только в России, но и в мировом сообществе... «Но почему так хорошо защищают цыган?» - удивлены оба полицейских. Вновь приходится говорить про Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которую, подписав, Россия, обязана выполнять...

«Ну, хорошо, а ведь у других двух цыган – вообще никаких документов, мы обязаны провести процедуру установления личностей, снять у них отпечатки пальцев...». И вновь мы вступаем с дознавателями в словесный поединок... А полицейские: «Но ведь цыган даже Украина (то есть их историческая родина - Н.П.) не желает принять и выдать им документы...».

Просим при нас уточнить, кто двое задержанных цыган без документов. Вводят молодого цыгана. Он стойко молчит. Я здороваюсь с ним, показываю ему портрет адвоката Оли Цейтлиной в нашем буклете. Он узнает ее, у него теплеет взгляд. По моей просьбе называет себя: «Форкош Александр Михайлович - 1989; брат Аладара Форкаша» Вводят его жену Елизавету 1989 года рождения. Она беременна, и уже на последних неделях.

После наших «защитительных» слов полицейские, наконец-то, соглашаются выпустить всех четверых под нашу ответственность. Они дают чистые листы, чтобы мы написали расписки о том, что они, полицейские, выдали нам цыган «на руки». Даем полицейским свои визитки. Итак, с дознавателями по уголовным делам мы решили вопрос без вмешательства высшего начальства УВД, и даже – без участия сотрудников УФМС.

Выйдя из кабинета, пожимаем цыганам руки. О, цыгане – «наивность милая нетронутой души»! Страшно обрадованные, глаза – в пол-лица, диву даются: «Как вы так быстро прилетели из Питера?» Говорим, что живем в Брянске, выполняем указания их адвоката Оли Цейтлиной. Тут же связываемся по мобильнику с СПб, с Олей, говорим, что мы освободили цыган. Ей не верится. Передаю телефон Аладару Форкашу, он, поразительно восхищенный, подтверждает, благодарит...

Не веря самому себе, переспрашиваю у Аладара: «Миллион при тебе? Не отобрали ни копейки?» Слава Богу, деньги при нем!

Аня Лакатош тоже беременна и, несмотря на это, в ее руках тяжеленная сумка. Я сразу же беру из ее рук сумку; прошу идти поосторожнее, не поднимать тяжести, иначе роды могут случиться прямо в дороге.

Жена моя Надежда берет большой сверток у другой беременной цыганки – Елизаветы Рац. Двое «наших» полицейских бдительно сопровождают нас до двери первого этажа – из стальных прутьев. Дежурный открывает замок, вновь скрежет двери – и мы на свободе. Аня Лакатош – в пляжных тапочках. Не холодно ли? Жена и я уговариваем цыган поехать к нам домой, пообедать, выспаться, обогреться... Все-таки сутки провели на нахоложенном бетонном полу. Жена обещает подыскать беременным женщинам обувь по сезону... Солнышка бы им и тепла! Все четверо отказываются – не хотят терять времени. Надежда снимает свои туфли и отдает Ане, а сама – в ее пляжных тапочках.

Да, их снова могут задержать, еще и отобрать деньги. Быстро вырабатываем план. Все направляемся к ближней автотрассе. Мы с женой несем вещи беременных женщин. У двух братьев Форкош руки тоже заняты сумками.

... Моя жена Надежда поймала такси. Грузим вещи. Вещей много. Просим таксиста, чтобы довез благополучно до ж/д вокзала. Передаю Аладару Форкошу все документы по их делу, пересланные Олей Цейтлиной, возможно, пригодятся для прояснения их жизненной ситуации перед новыми полицейскими и сотрудниками УФМС и УФСБ. Еще раз жмем руки. Прощаемся. Вручаем им свои визитки, при этом просим: в случае чего срочно звонить нам, в любое время дня и ночи. Жена и я трижды крестим вослед отъезжающих цыган. Жалко их. Выживут ли? Но - надо жить, надо во чтобы то ни стало жить и род продолжить свой...

А перед новым годом нам позвонил Аладар Форкаш, аж из города Берегово Закарпатской области Украины, он был на «седьмом небе» от неземного счастья: его Аня родила сына, и они назвали его Колей, а Лиза Рац явила на свет доченьку, и они с Сашей Форкаш назвали ее Наденькой. Потом звонили нам – наперебой - и Аня, и Лиза, и Саша... Когда утихли звонки, я попросил жену Надежду: «Покажи ладони...». И показал ей свои – у нас на ладонях длинные линии жизни...

Николай ПОЛЯКОВ, Брянск

...Чтоб сказку сделать былью

Перескажу трагикомическую, по сути, историю, связанную с пребыванием в казанском КБ и (первоначально) колонии С.П.Королева и Глушко и др. знаменитых конструкторов самолетов и ракет - впоследствии.

Первое время они были заключенными и содержались, как и положено, в колонии, номер не скажу - не знаю. Работали в закрытом КБ, который размещался в здании объединенной дирекции авиационного завода № 22 и моторостроительного (для самолетов) завода № 16. Этот комплекс так и строился в 1930-е гг. как объединенный, на его строительство (возможно, именно заводоуправления) пошел кирпич снесенных зданий известного пригородного монастыря Семиозерной (Седмиезерной) пустыни.

Тогда стройка называлась Казмашстрой или строительство завода 124/27. В годы войны из Помосковья был эвакуирован известный авиазавод № 22 им.Горбунова, с тех пор так и называется. Так вот, от колонии до заводоуправления было примерно 40-60 минут ходьбы.

Заключенные преодолевали путь под охраной. Мужчин-охранников не хватало, поэтому Королева сопровождала сторожика с винтовкой. На входе, как и положено, происходили прием-сдача з/к в начале и в конце рабочего дня с росписями и проч. На время работы охранник был предоставлен самому себе, тем более, что в помещение КБ и цеха существовал свой допуск.

Зима 1943-44 года была холодной, а заводоуправление почти не отапливалось, было холодно. Как-то раз сопровождавшая Королева промерзшая сторожиха, после оформления всех формальностей, пошла бродить по закуткам заводоуправления в поисках тепла. Где-то в подвале нашла теплую стенку, привалилась, согрелась и заснула.

Рабочий день окончился, пора возвращаться. Охрана заводоуправления уведомляет об этом охранников колонии, поскольку время движения из пункта "А" до пункта "Б" фиксировалось, в него надо было обязательно уложиться, иначе - "ПОБЕГ"! Новый приговор и "командировка" назад на Колыму...

Все собрались у выхода, а сторожихи - НЕТ! Люди бросились ее искать, искали долго и насилу нашли. И потом - бегом в колонию! За решетку! На нары! Кажется, даже Королев тащил сторожихину винтовку, чтобы той было полегче бежать. Еле-еле успели к положенному времени. И командировка на Колыму отпала. Спустя какое-то время Королев, как и другие, был расконвоирован, позднее и судимость была снята.

А история запомнилась. Ее мне осенью 1988 года рассказал старый журналист Шифрин, который много десятков лет работал в многотиражке завода и много кого и чего знал. Жаль не записал, впрочем, он был человеком своего времени и знал не понаслышке, что можно, а чего нельзя доверять бумаге...

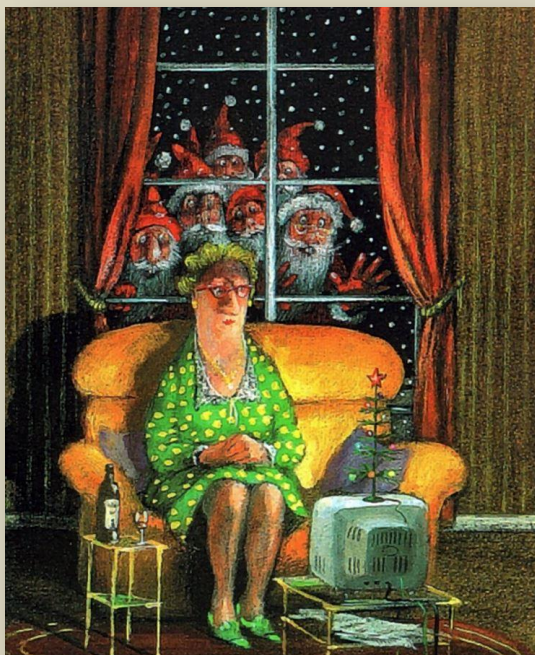
Алексей СТЕПАНОВ, Казань

Как в сказке!

Дорогие мои коллеги! В наше время трудно найти что-то современное и одновременно юмористическое. Я научилась находить в мелочах и даже в мелких неудачах. Ахматова говорила: "когда б вы знали, из какого сора..."

Вот в преддверии Нового 2017 года приехала я на такси к зданию котласской тюрьмы, чтобы передать деньги заключённому.

Просила таксиста подождать меня, мол, поеду сразу обратно.

Не было очереди, передачи принимали. Но денег у меня не взяли (их бухгалтерия завершила финансовый год) и приняли только конверты и бумагу.

Вышла, а таксист набросился, обругал, что долго. У него новый заказ, меня он обратно не повезёт. И уехал, когда я расплатилась.

Стою на окраине города, на заснеженной дороге. И мобильник, как обычно, забыла дома. И общественного транспорта рядом нет.

Вдруг подходит пожилой мужчина и спрашивает - куда мне. В центр, к почте.

Поехали. Явно не таксист, и довёз и от денег отказался. Сразу на душе весело и спокойно стало.

Добро победило зло, как в сказке!

Ирина ДУБРОВИНА, Котлас

* В Выпуске использованы карикатуры художника Герхарда Глюка (*Gerhard Gluck*)